e-ISSN 3060-5059
DOI: 10.67227

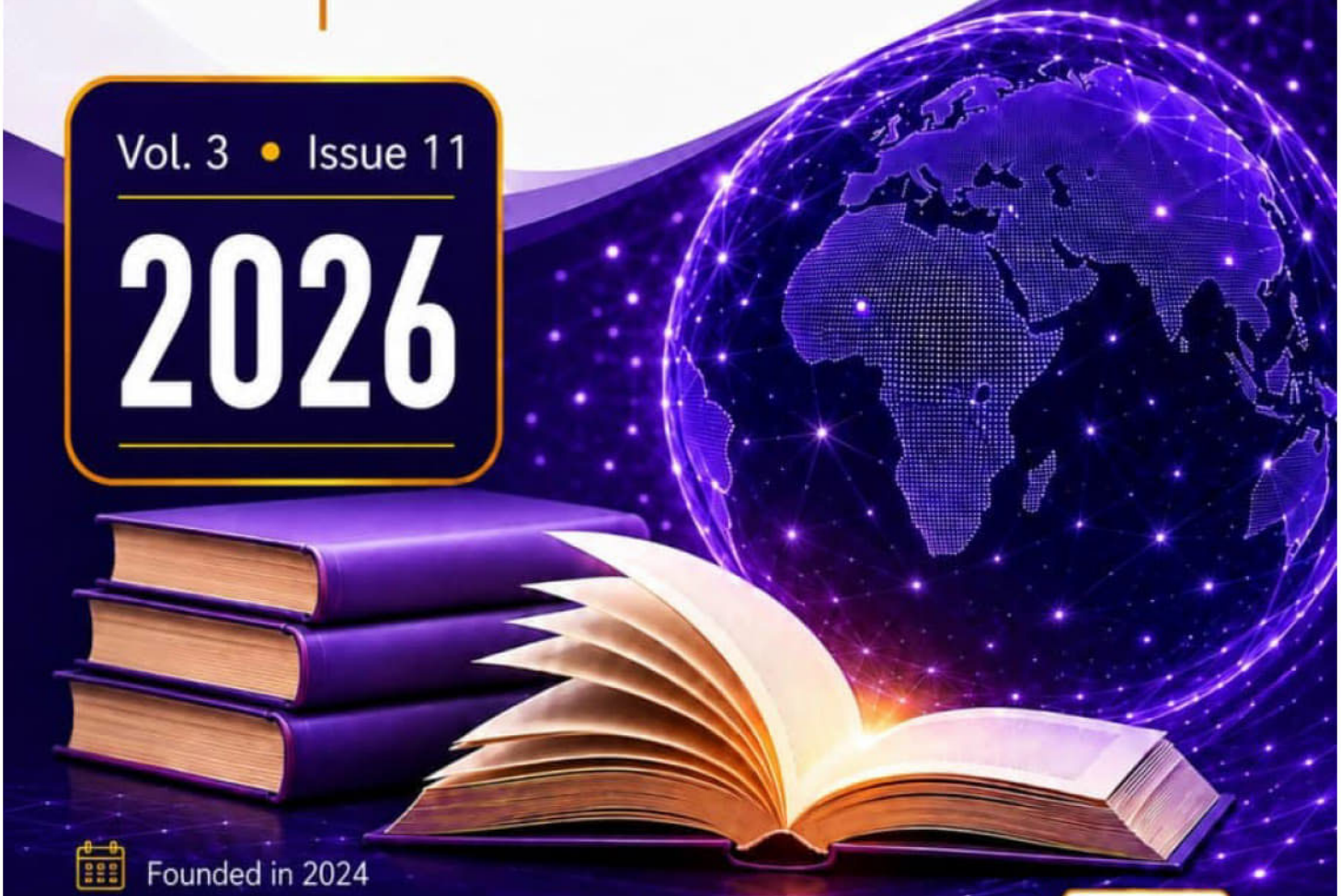
IJTIMOIY-GUMANITAR SOHADA ILMIY-INNOVATSION TADQIQOTLAR

ILMIY METODIK JURNAL

Scientific and Innovative Research in Social and Humanitarian Studies

Vol. 3 • Issue 11

2026

Founded in 2024

publishscience.uz | publish_science_journal@mail.ru

PEER REVIEWED • OPEN ACCESS

ISSN 3060-5059 (Online)
Article / Original paper https://doi.org/10.67227/64784021

KYERKEGORNING “QO‘RQUV VA TITROQ” RISOLASIDA AVRAAM OBRAZI VA UNING F. KAFKANING R. KLOPSHTOKKA YO‘LLAGAN MAKTUBIDA QAYTA ANGLANISHI

Sharipova Parvina San’atovna
Osiyo xalqaro universiteti, magistrant.
e-mail: arvinasharipova321@gmail.com **ORCID**: https://orcid.org/0009-0004-0571-9265

Annotatsiya.
Maqolada S. Kyerkegorning “Qo‘rquv va titroq” risolasidagi Avraam obrazi hamda F. Kafkaning 1921-yil iyun oyida R. Klopshtokka yozgan maktubida ushbu obrazning polemik talqini qiyosiy tahlil qilinadi. Kafka tomonidan taklif etilgan Avraam obrazining uch xil talqini aniqlanadi. Ularda fojiaviy imon o‘rnini tanlanganlikka shubha, maishiy kinoya va kulgidan qo‘rquv egallaydi.
Kalit so‘zlar: Kyerkegor, Kafka, Avraam, “Qo‘rquv va titroq”, imon ritsari, imon sakrashi, epistolyar meros, komiklik, tanlanganlik.

ОБРАЗ АВРААМА В ТРАКТАТЕ КЬЕРКЕГОРА «СТРАХ И ТРЕПЕТ» И ЕГО ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ В ПИСЬМЕ Ф. КАФКИ К Р. КЛОПШТОКУ

Шарипова Парвина Санъатовна
Азиатский международный университет, магистрантка.

Аннотация.
В статье проводится сравнительный анализ образа Авраама в трактате С. Кьеркегора «Страх и трепет» и его полемической интерпретации в письме Ф. Кафки к Р. Клопштоку, написанном в июне 1921 года. Выделяются три варианта образа Авраама, предложенные Кафкой. В них трагическая вера уступает место сомнению в собственной избранности, бытовой иронии и страху быть осмеянным.
Ключевые слова: Кьеркегор, Кафка, Авраам, «Страх и трепет», рыцарь веры, прыжок веры, эпистолярное наследие, комическое, избранность.

THE IMAGE OF ABRAHAM IN KIERKEGAARD’S FEAR AND TREMBLING AND ITS REINTERPRETATION IN F. KAFKA’S LETTER TO R. KLOPSTOCK

Sharipova Parvina San’atovna
Asia International University, Master’s Student.

Abstract.
The article presents a comparative analysis of the image of Abraham in Søren Kierkegaard’s Fear and Trembling and its polemical reinterpretation in Franz Kafka’s letter to Robert Klopstock, written in June 1921. Three versions of Abraham proposed by Kafka are identified. In these interpretations, tragic faith gives way to doubts about being chosen, everyday irony, and the fear of being ridiculed.
Keywords: Kierkegaard, Kafka, Abraham, Fear and Trembling, knight of faith, leap of faith, epistolary heritage, the comic, chosenness.

Введение. Рассказ о жертвоприношении Исаака из двадцать второй главы Книги Бытия европейская словесность перечитывает почти в каждую эпоху. Узбекскому читателю этот сюжет знаком не хуже. История пророка Ибрахима, готового отдать сына по велению Всевышнего, изложена в суре «Ас-Саффат» (аяты 102–107), с ней связан праздник Курбан-хайит. Поэтому вопрос о том, как писатели и мыслители Нового времени истолковывали поступок патриарха, выходит далеко за пределы одной культурной традиции.

В 1843 г. Сёрен Кьеркегор опубликовал под псевдонимом Иоханнес де Силенцио трактат «Страх и трепет». Авраам предстаёт в нём отцом веры. Его поступок выведен за пределы разумного объяснения, перед ним бессильна этическая норма. Спустя 78 лет Франц Кафка, лечившийся от туберкулёза в санатории в Матлярах, писал о той же книге молодому венгерскому студенту-медику Роберту Клопштоку. В письме возникают совсем иные Авраамы — неловкие, домашние, смешные. Современное кафковедение признаёт присутствие кьеркегоровского следа в произведениях пражского писателя [3, с. 247]. Тем не менее в доступных нам русскоязычных исследованиях письмо Клопштоку почти не становится предметом отдельного разбора.

Мы попытаемся выяснить, что Кафка принимает в кьеркегоровском истолковании Авраама, а что отвергает. Для ответа необходимо восстановить модель веры, предложенную в «Страхе и трепете», описать типологию Авраамов в письме, а затем соотнести полученные наблюдения с прозой Кафки, прежде всего с романами «Процесс» и «Замок».

АНАЛИЗ ЛИТЕРАТУРЫ И МЕТОДОЛОГИЯ

Отношения Кафки с наследием датского философа подробно рассмотрены Е. С. Кунавиным. Исследователь выделяет два периода увлечения Кьеркегором. Первый открывается дневниковой записью 1913 г. и длится примерно до 1916 г., второй начинается в конце 1917 г. и продолжается до смерти писателя в 1924 г. [3, с. 248].

По наблюдению Е. С. Кунавина, для Кафки контакт индивидуума с Абсолютом принципиально невозможен, тогда как Кьеркегор допускает его при условии «движения веры» [3, с. 247]. Герои «Императорского послания» и притчи «Перед законом» пассивны, у них нет никакого внутреннего движения [3, с. 250]. В другой статье тот же автор рассматривает «Процесс» как роман о призвании. Йозеф К. проходит все стадии своего процесса, однако в самом конце не может совершить «прыжок веры» [4, с. 383].

Сам трактат «Страх и трепет» проанализирован А. Е. Козловым с точки зрения повествовательной техники. Для нашей темы особенно ценно одно его наблюдение. В начальной главе Кьеркегор делает неизменную библейскую историю вероятностной, предлагая четыре альтернативных сценария, в которых Авраам обретает возможность колебаться и сомневаться [2, с. 77]. Бразильский исследователь М. Р. Баптиста описывает эти сценарии как четыре установки, каждая из которых лишила бы Авраама права называться отцом веры [7, p. 195–196]. Ему же принадлежит наиболее подробная из известных нам классификаций Авраамов в письме Клопштоку. Он различает Авраама, неспособного, но всегда готового, Авраама-хитреца, который откладывает жертву, и, наконец, Авраама неуверенного, у которого есть вера, но нет убеждённости в том, что зов обращён к нему [7, p. 198, 200, 202]. Ключ к письму М. Р. Баптиста видит в юморе. Этот юмор он связывает с еврейской традицией, противопоставляя его христианской безмятежности Кьеркегора [7, p. 194, 197].

Австралийский литературовед К. Данта обращает внимание на смех Сарры, услышавшей обещание сына (Быт. 18). В этом смехе Кафка, по мнению учёного, находит опору для собственного телесного сомнения, а сюжет жертвоприношения он пересказывает в тетрадях ин-октаво [8]. Биографический фон темы освещён В. Софроновым-Антомони, сопоставившим расторгнутые помолвки двух авторов. Кьеркегор окончательно порвал с Региной Ольсен в октябре 1841 г. Кафка обручался с Фелицей Бауэр дважды. Первая помолвка была расторгнута в июле 1914 г., вторая, заключённая в июле 1917 г., распалась уже в декабре [6].

Материалом исследования служат текст трактата в переводе Н. В. Исаевой и С. А. Исаева [5] и письмо Кафки Клопштоку в переводе М. Харитонова [1, с. 134–135]. В работе применяются сравнительно-типологический метод, мотивный анализ и приём медленного чтения, дополненные биографическим комментарием. Сопоставление ведётся по пяти параметрам: отношение героя к призыву, характер его веры, судьба пути на Мориа, реакция окружающего мира и, наконец, эмоциональный модус изображения.

ОБСУЖДЕНИЕ

Повествователь «Страха и трепета» с первых страниц отказывается от позиции знающего. О человеке, мечтавшем увидеть Авраама, сказано, что он «не знал иврита» [5, с. 24]. Ирония состоит в том, что знание языка будто бы сразу открыло бы ему смысл повести. Так задаётся дистанция, без которой кьеркегоровский Авраам немыслим. Его величие неотделимо от недоступности. Вера, по словам Иоханнеса де Силенцио, «начинается как раз там, где прекращается мышление» [5, с. 66]. Отсюда молчание патриарха. Авраам «не может говорить», поскольку то, что объяснило бы всё, нельзя сказать так, чтобы его поняли [5, с. 132]. Итоговая альтернатива трактата предельно жёстка. Либо существует парадокс, по которому единичный индивид стоит в абсолютном отношении к Абсолюту, либо «Авраам погиб» [5, с. 137].

Показательно, что сам Кьеркегор не удерживается от вариаций. В начальной главе трактата Авраам четырежды поднимается на Мориа, однако в каждом из этих вариантов что-то в нём надламывается [2, с. 77]. Воображаемые Авраамы служат фоном. На их неудаче проступает подлинный отец веры, прошедший путь до конца без лжи, без утраты радости, без дрожи в руке [7, p. 195–196]. Вариативность нужна философу для того, чтобы отсечь возможные подмены веры.

Кафка читал «Страх и трепет» в совершенно иной жизненной ситуации. В 1921 г. он лечился в туберкулёзном санатории в Высоких Татрах, где познакомился с Клопштоком. Июньское письмо начинается вовсе не с философии. Кафка сравнивает себя с цветком, который тянет голову к солнцу, но втайне озабочен «мучительными процессами в своих корнях» [1, с. 134–135]. Неверующим, признаётся он, он никогда не был, но он «изумлен и робок». Такое начало сразу снижает регистр разговора. О вере говорит не пророк, а больной человек, которому не дано нагнуться к собственным корням.

Далее Кафка обращается к библейскому Аврааму. Реальный патриарх, по его словам, всё имел изначально, к испытанию его подводили с детства. Отсюда признание Кафки: «я тут не вижу скачка» [1, с. 134–135]. Перед нами прямой спор с центральным понятием датского философа. Для Кьеркегора именно «прыжок веры» остаётся единственной возможностью для индивидуума достичь Абсолюта [3, с. 250]. Кафка же усматривает в истории патриарха «последовательность, а не скачок». Если человек уже владел всем, у него следовало хотя бы для виду что-то отнять. Так жертва Исаака утрачивает в глазах Кафки ту абсурдную природу, на которой держалось восхищение Иоханнеса де Силенцио.

Затем в письме появляются Авраамы, которых Кафка способен себе представить. Первый готов исполнить требование о жертве «тотчас, охотно, как официант», однако до места жертвы не доберётся. Его не отпускает дом. Хозяйство требует присмотра, дом не достроен, заменить хозяина некому [1, с. 134–135]. В подтверждение Кафка с иронией ссылается на Библию, где сказано: «печется он о доме своем». Сравнение с официантом многое объясняет. Готовность здесь есть, но это готовность служащего, а не избранника. Если воспользоваться языком Кьеркегора, такой Авраам не способен выйти из сферы всеобщего. Дом, семья, хозяйственные заботы составляют этическое, которое не допускает телеологического устранения этического [2, с. 77].

Второй случай описан во множественном числе. «Вышестоящие Авраамы» заняты строительством дома, когда их внезапно призывают на гору Мориа, причём сына у них может ещё не быть [1, с. 134–135]. Требование оказывается невыполнимым по самой своей сути. Кафка тут же высказывает подозрение, что эти люди нарочно

не заканчивают строительство, лишь бы не поднимать лица и не видеть далёкой горы. М. Р. Баптиста называет такого героя хитрецом, откладывающим исполнение долга ради того, чтобы избежать жертвы [7, p. 200]. На наш взгляд, существеннее другое. Незавершённость становится здесь формой существования. Дом, который нельзя достроить, узнаётся в бесконечных проволочках «Процесса» так же легко, как в недосягаемом «Замке».

Подробнее всего выписан третий портрет. Этот Авраам хотел бы принести жертву по всем правилам. Ему недостаёт отнюдь не веры. Он «не может поверить, что имеют в виду именно его», неприятного на вид старика с оборванным сыном [1, с. 134–135]. Его пугает сама дорога. Выйдя из дому Авраамом, он рискует «превратиться по пути в Дон Кихота». Мир, который в библейские времена ужаснулся бы Аврааму, теперь, как ему кажется, будет до упаду смеяться. Кульминацией становится возглас: «Авраам, который является незваным!» Следом появляется школьная сцена. На вручении годовой награды лучшему ученику со своей последней грязной скамьи поднимается худший, потому что ослышался. Класс хохочет. Кафка добавляет, что ученик, возможно, вовсе не ослышался. Учитель мог нарочно назвать его имя, чтобы наградой лучшего одновременно наказать худшего.

Сдвиг здесь принципиален. Кьеркегора занимало, способен ли человек на веру, превосходящую разум. Кафка спрашивает о другом. Его интересует, обращён ли зов именно к этому человеку. Вера у третьего Авраама есть. Отсутствует у него уверенность в собственной избранности. Мотив адресата, до которого не доходит весть, хорошо известен по «Императорскому посланию». Подданный сидит у окна, ожидая гонца, который никогда до него не доберётся [3, с. 250]. Ещё ближе к письму роман «Замок». Землемер К. прибывает в деревню по вызову, однако само приглашение выглядит сомнительным, словно оно возникло из канцелярской ошибки. Он тоже является незваным, хотя имя его, кажется, действительно прозвучало.

Через вторую половину письма проходит мотив смеха. По поводу невыполнимого требования Кафка замечает, что «Сара права, когда смеется» [1, с. 134–135]. К. Данта видит в смехе Сарры фигуру телесного сомнения, глубоко родственную самому Кафке [8]. В «Страхе и трепете» смеху над Авраамом места нет. Отец, поднимающий нож над сыном, вызывает у Иоханнеса де Силенцио страх и трепет, но никак не улыбку. Кафка переводит историю в регистр комического. Его третий Авраам боится не столько насмешки, сколько того, что, став посмешищем, окажется ещё более старым, а сын — ещё более недостойным призвания. Смех здесь не освобождает. Он подтверждает ничтожество того, кто осмелился откликнуться. М. Р. Баптиста делает отсюда вывод о необходимости принять общий смех вместе с признанием собственной незначительности [7, p. 203].

Существенна жанровая сторона сопоставления. Кьеркегор выбирает маску Иоханнеса де Силенцио, то есть молчальника, рассуждающего о невыразимом. Кафка говорит от первого лица в дружеском письме. Внутри письма, однако, возникают маленькие притчи с собственными персонажами. Официант, строитель, школьник взяты из повседневности. Библейский сюжет переводится на язык быта, тот самый, которым написаны новеллы Кафки. Подобная притча ничему не поучает. Она оставляет читателя наедине с вопросом, на который нет ответа.

Нельзя обойти биографический слой. Кьеркегор написал трактат вскоре после разрыва с Региной Ольсен, отказавшись от личных связей ради призвания. Е. С. Кунавин отмечает, что так же намеревался поступить Кафка, однако внутренние противоречия долго не позволяли ему этого сделать [4, с. 382]. Второй период обращения Кафки к Кьеркегору начался в конце 1917 г. [3, с. 248], почти одновременно со вторым разрывом с Фелицей Бауэр [6]. Можно предположить, что домашний Авраам из письма отчасти автопортретен. Человек, которого держит недостроенный дом, напоминает писателя, много раз приближавшегося к браку, но так в него и не вступившего.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Наблюдения над текстами сведены в таблицу 1. В ней Авраам Кьеркегора сопоставляется с тремя фигурами из письма Клопштоку по пяти параметрам, названным в методологической части.

Таблица 1. Сопоставление образа Авраама у С.Кьеркегора и в письме Ф.Кафки Р.Клопштоку

Параметр	Авраам “Страха и трепета”	Первый Авраам (хозяин дома)	“Вышестоящие Авраамы”	Третий Авраам (незваный)
Отношение к призыву	Слышит зов и подчиняется без колебаний	Готов исполнить требование сразу, “как официант”	Зов застаёт врасплох посреди строительства	Не верит, что зов обращён именно к нему
Характер веры	Превосходит мышление, не нуждается в объяснении	Сводится к послушанию служащего	Подменяется возможной умышленной отсрочкой	Есть в полной мере, недостаёт уверенности в избранности
Путь на Мориа	Пройден до конца	Не начат, хозяйство не отпускает	Невозможен, дом не достроен, сына может не быть	Под угрозой, по дороге герой боится стать Дон Кихотом
Реакция мира	Мир ужаснулся бы, сам герой молчит	Не обозначена, внимание поглощено бытом	Не обозначена, герой прячет лицо от горы	Хохот, подобный смеху класса над худшим учеником
Модус	Возвышенно-	Бытовой,	Сатирический,	Комический,

ISSN 3060-5059 (Online)

изображения	трагический	иронический	полный подозрения	близкий к гротеску

Таблица показывает, что ни один из кафкианских Авраамов не проходит путь до конца. Первому мешает быт, второму — собственная уклончивость, третьему — недоверие к тому, что зов адресован ему. Общее у них одно: каждый лишён той цельности, которая у Кьеркегора делает возможным «движение веры». При этом вера как таковая у Кафки не отрицается. Третий Авраам обладает ею в полной мере.

Логика описанного сдвига представлена на рисунке 1. Слева помещён Авраам из «Страха и трепета», справа — три фигуры из письма с указанием того, чего недостаёт каждой из них. Нижний блок фиксирует соответствия в прозе Кафки.

Итоги сопоставления укладываются в пять положений. Во-первых, Кафка заимствует у Кьеркегора сам приём варьирования библейского сюжета, однако меняет его назначение. У философа воображаемые Авраамы оттеняют подлинного, у писателя они его вытесняют. О подлинном Аврааме, как и о прочих своих догадках, Кафка пишет, что «всё это старые истории, они не стоят разговора» [1, с. 134–135]. Во-вторых, проблема перемещается из области веры в область призванности. Вместо вопроса о том, верит ли человек, встаёт вопрос о том, его ли зовут. В-третьих, трагический модус сменяется комическим: ужас мира сменяется его смехом. В-четвёртых, Кафка оспаривает идею скачка, противопоставляя ей последовательность. Наконец, типология письма находит соответствия в прозе. Подданный из «Императорского послания», Йозеф К., не решившийся на последний шаг, и землемер К., чьё приглашение остаётся под вопросом, представляют разные грани одного незваного Авраама.

Рисунок 1. Авраам С.Кьеркегора и три варианта патриарха в письме Ф.Кафки Р.Клопштоку

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Письмо Клопштоку нельзя считать случайным откликом на прочитанную книгу. Перед нами сжатая программа, в которой Кафка формулирует своё расхождение с Кьеркегором. Датский философ видел в Авраме недосягаемый образец, перед которым остаётся благоговеть. Кафка оставляет образцу его высоту, но признаёт, что современный человек узнаёт себя лишь в его неудачных двойниках. Отсюда неловкость, бытовая ирония, хохот класса над худшим учеником.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кафка Ф. Письма 1902–1924 / пер. с нем. и коммент. М. Харитонова // Кафка Ф. Сочинения: в 3 т. – Т. 3. – Москва: Художественная литература; Харьков: Фолио, 1994. – С. 134–135. – URL: https://www.lechaim.ru/ARHIV/158/kafka.htm.

2. Козлов А. Е. Парадоксализация дискурса в философском эссе С. Кьеркегора «Страх и трепет» // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 388. – С. 76–80. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/paradoksalizatsiya-diskursa-v-filosofskom-esse-s-kierkegora-strah-i-trepet.

3. Кунавин Е. С. Взаимоотношения индивидуума и Абсолюта в творчестве С. Кьеркегора и Ф. Кафки (на материале миниатюры Ф. Кафки «Императорское послание» и отрывка из книги С. Кьеркегора «Болезнь к смерти») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12, вып. 1. – С. 246–251. – DOI: https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.1.51. – URL: https://philology-journal.ru/article/phil20190051/pdf.

ISSN 3060-5059 (Online)

4. Кунавин Е. С. Кьеркегоровский «след» в развитии темы творчества в романе Ф. Кафки «Процесс» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12, вып. 2. – С. 381–384. – DOI: https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.2.81. – URL: https://philology-journal.ru/article/phil20190181/pdf.

5. Кьеркегор С. Страх и трепет. Диалектическая лирика Иоханнеса де Силенцио / пер. с дат. Н. В. Исаевой, С. А. Исаева. – Москва: Академический проект, 2011. – 153 с.

6. Софронов-Антомони В. Ревность, память, наслаждение: расторгнутые помолвки Кьеркегора и Кафки // Новое литературное обозрение. – 2004. – № 1. – URL: https://magazines.gorky.media/nlo/2004/1/revnost-pamyat-naslazhdenie-rastorgnutye-pomolvki-kerkegora-i-kafki.html.

7. Baptista M. R. O Kafkiano Elogio de Abraão // Interações: Cultura e Comunidade. – 2018. – Vol. 13, № 23. – P. 193–205. – URL: https://www.redalyc.org/journal/3130/313056746015/313056746015.pdf.

8. Danta C. Sarah's Laughter: Kafka's Abraham // Modernism/modernity. – 2008. – Vol. 15, № 2. – P. 343–359. – URL: https://muse.jhu.edu/article/235933.